

УДК 616.641.7

© Пересадин Н.А., Фролов В.М., 2011

ВОСПИТАТЕЛЬНО – ДЕОНТОЛОГИЧЕСКАЯ И НРАВСТВЕННО – ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ТВОРЧЕСТВА И ПРИМЕРА ЖИЗНИ ГЕРБЕРТА УЭЛЛСА – БИОЛОГА, ПИСАТЕЛЯ, ПЕДАГОГА И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ (к 145 – летию со дня рождения) Пересадин Н.А., Фролов В.М.

ГУ «Луганский государственный медицинский университет»

*«Сейчас не угадаешь, что будут думать
об Уэллсе грядущие поколения, но
несомненно одно: они обязательно будут
о нем думать. Мы заявляем об этом не
только потому, что восхищаемся им и
надеемся, что он займет свое место
в умах людей, – мы в это твердо верим.
Впрочем, мы тем самым показываем
себя людьми меньшего масштаба, чем
Уэллс, которому на все это было наплевать»*

Норманн Николсон, популярный английский поэт и критик, уэллсовед

Известный российский литературовед и велико-лепный знаток театра Юлий Иосифович Кагарлицкий, один из лучших в мире исследователей творчества и жизненного пути Герберта Уэллса, главный редактор его пятнадцатитомного собрания сочинений (М., 1964), сказал о герое нашей статьи так: «... Он открывается нам не только как наблюдатель с острым взглядом, но и как активный участник общественных событий... Его вклад в развитие научной фантастики, гуманизм и сила предвидения, заключенные в его лучших книгах, свидетельствуют о его значении как истинного, незаурядного художника слова» [9]. Беспокойный, импульсивный по характеру, обладавший необычайно высокой работоспособностью, «избранник свободы», которому «так сладко пели воды и завидовали облака» (определение Н.С. Гумилёва), «последовательный гуманист» (определение Ю.И. Кагарлицкого) за многие десятилетия своей достаточно продолжительной жизни опубликовал несколько интересных и в своё время востребованных школьных учебников биологии и физиографии, трёхтомного руководства «Наука жизни» (1930), сотни остроумных газетных и журнальных рецензий, живых и красочных, полных искромётного юмора, очерков, «пионерных» бесподобных научно – фантастических романов, повестей и рассказов, многократно экранизированных в новейшее время. Он был руководителем проектов общедоступных образовательнопедagogических энциклопедических изданий, поновому ориентировавших интеллектуально – духовные силы его современников, не утративших своей литературной прелести, а также научной актуальности и для живущих ныне поколений [1, 11]. В 1888 г. Уэллс успешно заканчивает Лондонский университет со степенью бакалавра биологии, в 1891 г. получает учёное звание магистра биологии, в 1942 г. ему присваивается ученое звание доктора биологических наук. Таким образом его интерес к биологии и успехам современной медицинской науки несомненен и находит отражение в ряде произведений на чём мы более подробно остановимся в дальнейшем изложении.

О его жизни и творчестве, «приключениях мысли» этого талантливого литератора к сегодняшнему дню издано более пятидесяти солидных произведений – книг и подробных очерков в Великобритании, США, Франции, Германии, России. В первые десятилетия XX века только в России было предпринято три

более-менее успешных попытки издать собрание сочинений Герберта Уэллса. Сначала это было задумано и частично осуществлено прогрессивным издательством научной и научно-популярной литературы, руководимым Л.Ф. Пантелеевым (1840-1919), выпустившим несколько томов с наиболее нашумевшими научно-фантастическими романами и повестями. Позднее (впервые в мире) петербургское издательство «Шиповник» под редакцией известного этнографа и писателя, профессора В.Г. Тан-Богораз (1865-1936) издало практически все известные к тому времени произведения Уэллса (включая традиционно – классические романы реалистической направленности). Ряд самых знаменитых книг героя нашего повествования издавался в двадцатые годы в виде собрания сочинений под общей редакцией известного в то время поэта и переводчика М. А. Зенкевича (1891-1973) и пользовался огромной популярностью у русскоязычного читателя.

В «Опыте автобиографии» (Experiment in autobiography, 1934) герой нашей статьи подчёркивал: «Я прожил не исключительную жизнь, а шаблонную; её ценность – в её типичности; благодаря этому она и сохраняет свой интерес», а в его словах, вынесенных в подзаголовок автобиографической книги «Открытия и заключения одного весьма ординарного ума, сделанные с 1866 года», не было и тени кокетства, не содержалось ни капли позерства. Хорошо известно, что избыточной скромностью Герберт Уэллс вовсе никогда не страдал и, когда его однажды назвали гением, ответил без малейшей задержки: «Да, я гений».

Всемирно известный писатель – фантаст, один из наиболее ярких, изобретательных и оригинальных талантов в литературе XIX – XX вв. Герберт Джордж Уэллс (Wells Herbert George, 1866-1946) родился в субботу, 21 сентября 1866 года, в половине пятого пополудни в доме своей матери на Хай – стрит в городке Бромли, все больше превращавшемся в те времена в пригород английской столицы. Мать Герберта (Берти, как звали его в детстве) сорокачетырёхлетняя Сара Нил, родившаяся 10 октября 1822 года, была на пять лет старше своего супруга и происходила из семейства протестантов евангелистского толка, переместившись, в поисках лучшей доли, из северной Ирландии в Англию. Нилы поначалу открыли придорожный трактир в Чичестере, а потом дед Уэллса по материнской линии, Джордж Нил, переселился по

ближе к Лондону, в Мидхерст. В 1834 году, когда Саре Нил исполнилось двенадцать, её определили в чичестерскую школу «для молодых леди», в которой она три года старательно обучалась чтению, письму, счету и даже начаткам географии, а также весьма подробно - истории Англии. Сара Нил всю жизнь потом прекрасно ориентировалась в названиях всех европейских государств и их столиц, английских графств, их главных городов и рек, на которых они были расположены. Любимым чтением юной леди в то время стала замечательная, хорошо иллюстрированная книга «Английские королевы», принадлежавшая перу некой миссис Стрикленд. Смолоду Сара Нил изредка, причём с большой неохотой помогала по трактиру и дому, наеживала и разносила пенное английское пиво, накрывала на стол. Потом ее отдали на выучку к портнихе и дамскому парикмахеру. Из Сары готовили добросовестную и умную прислугу, которая могла рассчитывать со временем занять место горничной в приличной семье с неплохим жалованием. Целых шесть лет проработав в подобных семьях, Сара Нил поступила в услужение к мисс Фанни Буллок в знаменитый АП-парк, хорошо известный далеко за пределами графства Кент. Дом в АП-парке стоял на высоком, кончавшимся крутым обрывом холме, окруженном густыми лесами. Его фасад молчаливо смотрел на живописные меловые скалы, подступающие к берегам Ла – Манша; всем своим обликом, архитектурой и стилем жизни АП-парк олицетворял уже ушедший в прошлое XVIII век. За несколько десятилетий этот дом и поместье сменили шесть хозяев, а в 1747 году его купил за девять тысяч фунтов – весьма немалую в те годы сумму – вольнодумец и философ сэр Мэтью Фетерстонхау, организовавший в АП-парке физическую лабораторию, в которой он ставил опыты с электричеством и магнетизмом и был даже избран впоследствии действительным членом Лондонского Королевского общества (Британской Академии наук). В своем доме этот оригинал собрал также весьма обширную, хотя и несколько эклектичную по содержанию библиотеку, сыгравшую большую роль в судьбе главного героя нашего повествования. К 7 сентября 1850 года, дню когда Сара Нил вошла в величественные ворота АП – парка, дом и поместье были на попечении леди Мери Энн и ее младшей сестры Френсис (в просторечии Фанни) Буллок. К последней и поступила в услужение розовошечная миниатюрная двадцативосьмилетняя девушка с голубыми глазами и серьезным выражением лица – будущая мать великого писателя Герберта Уэллса.

Из ста семнадцати окон великолепного розового кирпичного замка открывался замечательный вид на обширную и благоустроенную территорию дивного ландшафтного парка – второго по своим размерам в графстве [2]. Парк был поистине прекрасен и особенно хорош тщательно продуманной планировкой, множеством уютных лесных полей, живописных лошин, небольших овражков, где текли звонкие ручьи и сквозь толщу папоротников пробивалась даже небольшая речушка. Из лесной чащобы временами выглядывали пугливые лани – их здесь было не счесть. Красота эта, однако, не столь сильно трогала сердце Сары Нил, поскольку вниманием её безраздельно завладел двадцатитрехлетний садовник Джозеф Уэллс. Часть родни Джозефа вела своё происхождение из крестьян – арендаторов, другая же часть относилась к старшим дворянским слугам – узкому кругу лиц, в низших сословиях Англии особо почитаемых.

Молодой человек появился в АП–парке в июне

1851 года в качестве ухаживающего за деревьями специалиста (профессия, которую выбрал для Д. Уэллса его отец, верой и правдой служивший старшим садовником в обширном, еще тюдоровских времён, поместье барона де Лисла в Ленхерсте).

Когда Саре Нил представили Джозефа Уэллса, то в своем дневнике она уже дома отметила, что в нём есть нечто «особенное». Сближало молодых людей то, что оба они хорошо знали грамоту (в ту пору это отнюдь не было, как сейчас, общим повсеместным правилом), симпатичный садовник при этом много читал, а Саре очень нравилось записывать в свой личный дневник всё, что происходило с ней и всё интересное, что она замечала вокруг себя.

Джозеф, как и его отец, любил растения, но оккупывал их скорее по обязанности, чем по призванию. Открытого и беспокойного парня страстно влекло любимейшее развлечение англичан – крикет. Эта довольно медлительная, размеренная игра, способная повергнуть в сон любого иностранца, считается одной из главных примет английского образа жизни, и даже самый небольшой городок в Великобритании всегда стремился иметь свой собственный крикетный клуб. В статье «England» современной англоязычной энциклопедии подчёркивается в этом отношении: «Cricket is one of England's most popular sports. Almost all towns and villages have cricket teams. The English have been playing cricket since at least the 1300's. The game became a major sport in England in the 1700's» [24]. Крикетом увлеченно занимался в молодости и герой нашей предыдущей публикации - сэр Артур Конан Дойл (1859-1930) [19]. Джо Уэллс обещал со временем стать первостатейным крикетистом - он был не слишком велик ростом, однако чрезвычайно ловок, подвижен и изобретателен. Кроме того, двоюродный брат его отца Тимоти Дьюк, гордость семьи, несколько лет подряд успешно выступал за сборную крикетистов графства Кент, а позднее даже открыл в Пенхерсте собственное дело по производству принадлежностей для крикета, приносящее изрядный доход и служившее предметом гордости не только самого Тимоти, но и всех его ближайших родственников.

Сара Нил и Джозеф Уэллс обвенчались 22 ноября 1853 года в Лондоне, в Сити, в церкви, которая находилась неподалеку от Английского банка. Ускорила женитьбу молодых внезапная смерть отца Сары, а затем вскоре и кончина её матери. Джо Уэллс был вскоре принят старшим садовником в новое, средних размеров поместье, где под его началом состояло десять рабочих, жалование ему определили по тем временам вполне приличное – двадцать пять шиллингов в неделю. Супружеской чете для семейной жизни был отведен уютный коттедж с небольшим собственным садиком. В феврале 1857 года у Уэллсов родился первенец – дочь Френсис, затем после переезда семьи в Бромли в 1857 году – сын Фрэнк, а пять лет спустя, 1862 году, еще один сын – Фред.

Джозеф Уэллс действительно стал замечательным крикетистом, прославившим бромлейский крикетный клуб, который до появления этого талантливого игрока влачил весьма жалкое существование. В 1864 году умерла от приступа острого аппендицита, осложнившегося перитонитом (тогда это называлось от «воспаления внутренностей») девятилетняя Фанни Уэллс, что ввергло мать родившегося к тому времени Берти в состояние затяжной депрессии, поскольку Сара считала, что ее дочь «чем-то не тем накормили» соседи, к которым после смерти любимой дочери она навсегда прониклась жгучей ненавистью. На главной

улице Бромли – Хай стрит – в доме за номером сорок семь заносила ежедневные записи о своей тяжелой жизни в дневник Сара Уэллс, бывшая камеристка из поместья АП– парк, и это хоть как-то помогло ей справиться с «невыносимой скукой бытия». В этот же дом по вечерам – день ото дня все позднее и позднее – возвращался любимец всей округи Джозеф Уэллс, получавший всё больше приглашений выступить за вполне сносный гонорар за ту или иную крикетную команду. Третьему сыну Уэллсов – Берти, будущему великому писателю, суждено было прожить в этом доме тринадцать первых лет своей жизни. При этом Герберт отнюдь не был милым, добродушным и послушным увальнем. С зычным криком и громким топотом он скакал по лестницам, пытался отнять понравившиеся ему игрушки у старших братьев, поднимая дикий рев, когда они лишь прикасались к чему-нибудь, что, по его мнению, целиком и нераздельно принадлежало только ему, и никому более. Один раз он даже запустил вилок во Фрэнка, и напоминание об этом инциденте в виде шрама на лбу осталось у старшего брата на всю жизнь. Когда Берти было всего лишь месяц от роду, Сара занесла в дневник следующую запись: «Малютка очень беспокойный и утомительный. Никогда еще не было у меня такого утомительного ребенка».

Впоследствии, когда шустрый мальчик подрос, его матушку утешали только успехи Берти в учебе – он схватывал всё на лету, а в подготовительных классах, куда родители определили его в пятилетнем (!) возрасте, (по тому времени очень рано) он никогда и никому не доставлял никаких хлопот, демонстрируя очень живые способности к чтению и письму. Ко всему прочему, Берти также неплохо рисовал и легко заучивал наизусть длинные нравоучительные стихотворения, которые затем с охотой декламировал всем окружающим, умилявшимся успехами мальчика. В этом милом возрасте он уже отличался большим артистизмом, который был характерен ещё для одного героя серии наших этюдов (см. очерк о Максимилиане Волошине [20]).

В 1874 году Герберт Уэллс поступил в «Коммерческую академию Морли», в которой учили бухгалтерии, учёту, а также весьма высоко ценившейся в те времена каллиграфии, поскольку пишущие машинки не получили ещё тогда широкого распространения. Об учебе в этой «академии», занимавшей всего лишь одну большую комнату, служившую прежде посудомоечной, Герберт Уэллс оставил впоследствии интересные воспоминания. Хозяин академии Томас Морли обладал великолепным природным чувством языка и старательно прививал своим ученикам столь необходимую в жизни привычку к точному употреблению слов, за что будущий великий писатель всегда был благодарен владельцу «Коммерческой академии Морли» – дородному лысому мужчине с рыжими, уже тронутыми сединой бакенбардами и большими в роговой оправе очками на носу, формой и цветом напоминавшем крупную перезревшую клубнику. Коммерческая академия готовила неплохих клерков, причём от учебы в ней и повседневных контактов с мистером и миссис Морли у незаурядного мальчика остались исключительно тёплые воспоминания. Первой запомнившейся из прочитанных Гербертом книг был роман «Путь паломника» (The pilgrim's progress) Джона Беньяна (Bunyan J., 1628-1688) – одно из хрестоматийных основополагающих произведений английской прозы. Мальчик стал читать книги буквально «запоём» еще за несколько месяцев до поступления в школу (в «Коммерческую академию» он был принят

в возрасте с семи лет и девяти месяцев). Произошло это следующим образом. Берти как-то играл на крикетной площадке, делал он это весьма успешно. В этот момент мальчика увидел один из почитателей спортивного таланта его отца, сын владельца местной гостиницы мистера Саттона. Восторженный молодой человек резво подбежал к юному игроку и с криком «А ну скажи, чей ты сын?!» подбросил его высоко в воздух, но вот поймать парнишку он, к сожалению, не сумел. Домой Берти пришлось нести на руках: у него была сломана большеберцовая кость. Благодаря этому Берти мгновенно очутился в центре внимания и близких, и даже ранее малознакомых. Миссис Саттон, в большом смущении от промаха сына, завалила травмированного мальчика сладостями, фруктами и всевозможнейшими деликатесами, а Берти требовал ... книги. Ежедневно ему приносили их из бромлейского литературного общества с библиотекой, торжественно именовавшего себя «Литературным институтом». Чтение поглощало мальчика целиком. Как видим, истинная страсть к чтению, почти всегда присутствует в жизни большинства великих людей и очень рано проявляется!

Работая над собственной автобиографией, в почтенном, уже почти в семидесятилетнем возрасте, Уэллс, естественно, не смог совершенно отчётливо вспомнить всё, что ему довелось прочитать во время своего неожиданно долгого пребывания в постели (на совершенно законных основаниях: как-никак пострадавший и травмированный с переломом ноги). В память ему запали «Естественная история» Вуда, популярная биография герцога Веллингтона, история гражданской войны в США, двухтомник по географии, а также переплетенные комплекты юмористических журналов «Панч» (Punch) и «Фан» (Fun). Всё это были книги для взрослых, но маленький Берти читал их без особого труда и с большим увлечением. Книги давали обильную пищу для размышлений, и позднее уже стареющему Уэллсу казалось, что именно в семилетнем возрасте в его сознании смутно забрезжила картина эволюционного развития нашей планеты. Недели вынужденного пребывания в постели из-за сломанной ноги разожгли в мальчике уже никогда более не остывавшую страсть к чтению и настоящую потребность при помощи книг проникнуть в тайны большого мира за стенами отцовского дома. Молодого Саттона, нечаянно травмировавшего Берти, Герберт Уэллс всегда впоследствии именовал счастливым «посланцем судьбы». «Если бы я не сломал тогда ногу, я, возможно, не был бы сейчас жив и не писал бы эту автобиографию, а давно бы уже умер измученным и выгнанным с работы приказчиком», – писал он в «Опыте автобиографии», посвятив этому событию своего детства целую главу [1]. В тринадцатилетнем возрасте юный литератор Берти написал задорную пародию с оригинальным названием «Маргаритка в пустыне», в которой им высмеивались короли, генералы, политики и епископы. Богато иллюстрированная самим юным автором рукопись случайно обнаружилась в архивах только после смерти маститого писателя, а в 1957 году «Маргаритка в пустыне» вышла в США как факсимильное издание.

В отношении любимого младшего сына у Сары Уэллс был план сделать его приказчиком в мануфактурном магазине – подобная карьера для окончившего «Коммерческую академию» юноши представлялась матери наиболее заманчивой и весьма перспективной. Старших братьев Герберта Фрэнка и Фреда уже давно также ожидала подобная участь, но судьба молодых людей распорядилась ими по-своему. Фрэнк

больше всего любил личную свободу и потому стал бродячим ремесленником, а Фред, будучи ещё юношей, уехал в Южную Африку, откуда много лет спустя вернулся уже к своим шестидесяти годам в Англию весьма состоятельным человеком.

После смерти Мэри Энн Фетерстонхау её младшая сестра Фанни Буллок, отныне – леди Фетерстонхау, полноправно вступила во владение поместьем АП – парк. Сара Уэллс, её бывшая камеристка, тут же была приглашена этой новой хозяйкой поместья на должность домоправительницы и немедленно отправилась в свой любимый АП – парк, оставив мужа в Бромли. Все это случилось в 1880 году, когда Герберту исполнилось 14 лет. Троюродный брат Сары Уэллс, мистер Томас Пенникот, состоятельный владелец гостиницы в Виндзоре, довольно часто приглашал Сару и Берти погостить у него. В доме дяди были некоторые книги, в том числе полное собрание сочинений Чарльза Диккенса (1812-1870) и популярнейшие, уже в новейшее время экранизированные десяти томные «Парижские тайны» Эжена Сю (1804-1857), казавшиеся в то время Берти самым лучшим произведением всех времён и народов. От интереснейших книг в дядиной библиотеке юношу было не оторвать. Влиятельный в местных кругах дядя Том довольно быстро пристроил племянника кассиром и уборщиком в торговое заведение Роджера и Денайера, находившееся в Виндзоре. Здесь Берти работал, жил и столовался. Молодой и способный Герберт, однако, инстинктивно чувствовал, что работа в мануфактурном магазине несколько не отвечает его истинному призванию, поэтому работал он из рук вон плохо, всё время о чём-то мечтая. Герберт часто записывался в туалетной комнате, чтобы почитать без помех или же прятался с толстой книгой в руках за огромными тюками нераспакованных тканей. Короче говоря, испытательный месячный срок работы был провален Берти окончательно и бесповоротно. Спас его «дядя Уильямс» (муж сестры дяди Тома, т. е. родственник не по прямой кровной линии, однако, в традициях того времени, из вежливости именуемый «дядей» - uncle). Значительный период своей жизни дядя Уильямс провел за пределами Англии. Возвратившись домой из Вест-Индии, с Ямайки, где он служил учителем, Уильямс получил в свое распоряжение школу, основанную в соммерсетширской деревне Вукей. Вот туда-то и был взят Герберт Уэллс в качестве «практиканта». Берти истово исполнял учительские обязанности, обучая деревенских ребятишек чтению, таблице мер и весов, заставляя их обогащать память историческими сведениями и географическими названиями. Общение с Альфредом Уильямсом много дало будущему писателю: литературоведы не без основания считают, что Уэллс – юморист родился именно в этой богом забытой деревушке во время долгих и, казалось бы, праздных разговоров Герберта с острым на язык, многопытным опытным наставником, которого Уэллс, будучи уже известным писателем, всегда вспоминал с большой благодарностью и признательностью.

Дважды Альфред Уильямс выведен Уэллсом с любовью в виде литературного персонажа в его произведениях: в сборнике ранних очерков «Избранные разговоры с дядей» (Select conversations of an uncle, 1895) и, в до известной степени автобиографическом романе «Любовь и мистер Льюишем» (Love and Mr. Lewisham, 1900) [22]. В декабре 1880 года Герберт переселился из деревенской глуши графства Сомерсетшир к матери в АП-парк. Здесь его воображение поразила аппарковская картинная галерея, а также

подробный, богато иллюстрированный географический атлас XVIII века, где на карте Голландии красовался рыбак с лодкой, Россию представлял казак с саблей, а Японию – узкоглазые улыбающиеся люди с желтой кожей в причудливых одеждах и шапках, похожих на буддийские пагоды. В мансарде, неподалеку от своей комнаты, Берти даже отыскал вполне исправный телескоп и ежевечерне увлеченно стал наблюдать звездное небо, прибегая за справками к найденному здесь же учебному пособию по астрономии. В этой же мансарде обнаружились огромные залежи книг, пылившихся в больших шкафах из английского дуба, заинтересовавшие сына аппарковской домоправительницы чрезвычайно! Уэллс близко познакомился с замечательной риторикой «Прав человека» и «Здравого смысла» Томаса Пейна (1737-1809) – отличных книг, подвергшихся в то время подлым нападкам, хотя поначалу их страшно хвалили; прочёл он и полного, без сокращений, «Гулливера» Джона Свифта (1667-1745), вольтеровского «Кандида», а также двенадцатитомник Гиббона. Популярный двенадцатитомный труд известного английского историка Эдуарда Гиббона (1737-1794) «История упадка и разрушения Римской империи», который создавался автором в течение двенадцати лет в 1776-1788 гг., посвящён детальному описанию истории Рима и Византии с конца 2 века нашей эры до 1453 г. – года падения Константинополя под натиском турок, предводительствуемых султаном Мехмедом II (1432-1481). О значении этого двенадцатитомника Гиббона хорошо сказано в автобиографическом романе современника Герберта Уэллса и его хорошего знакомого Артура Конан Дойла (1859-1930) «Загадка Старка Манро» (The Stark Munro Letters): «Лорд Солтайр позволил мне воспользоваться своей библиотекой, поэтому свободное время я стал использовать для чтения. Гиббон подарил мне пару чудесных недель. Ты знаешь, какое он производит впечатление. Читая его, ты представляешь, что паришь где-то высоко под облаками, рассматривая под собою игрушечные армии и флотилии, а мудрый наставник нашептывает тебе на ухо внутренний смысл открывающейся внизу величественной панорамы» [10].

Позднее, уже став знаменитым писателем и общественным деятелем, Уэллс в своём докладе, прочитанном им на заседании Департамента просвещения Австралийской и Ново-Зеландской Ассоциации развития науки в Канберре в 1939 году, сказал о Гиббоне, как о человеке, преследовавшем сугубо художественные цели и подготовившего захватывающий, оставшийся в умах многих поколений, поучительный исторический труд высокого качества [9].

Тем временем молодой, имевший много свободного времени и ещё не устроённый на работу Герберт так разохотился читать, что стал тайком совершать налеты на книжные шкафы в салоне АП-парка и успел «проглотить» немало книг из этого хранилища, прежде чем его «безрассудный» поступок был замечен. Несколько недель спустя после появления Берти в АП-парке, мать нашла ему новое место работы, на этот раз в Митхерсте, в нескольких милях от АП-парка. Центром его нового уютного профессионального мира на этот раз стала... аптека. Здесь Герберту следовало трудиться в качестве помощника провизора – раскатывать и нарезать тестообразную массу для приготовления пилуль, отпускать пациентам патентованные лекарственные средства и медицинских пиявок, убирать прилавки и стирать пыль с гипсового бюста основоположника классической гомеопатии немецкого врача Самюэля Ганеманна (1755-1843).

Работа в аптеке Уэллсу очень понравилась, он чувствовал к ней большое внутреннее призвание и мечтал со временем выучиться на аптекаря, однако плата за обучение фармацевтике была непомерно высокой, и от этой затеи пришлось, к его большому сожалению, отказаться. Вскоре после поступления на работу подручным аптекаря, Берти стал также посещать местную «мидхерстовскую грамматическую школу», где начал с большим прилежанием обучаться латинскому языку. Своим рвением и недюжинными способностями к учёбе Уэллс сразу же привлек внимание мистера Хорэса Байата, ставшего в этой школе его педагогом-наставником. В феврале 1881 года Герберт стал усердно пополнять свое образование и в конце – концов успешно сдал экзамены по физиологии и еще одному предмету, называвшегося в то время физиографией (популярная в те годы эта учебная дисциплина давала представление о геологии, так полюбившейся Берти астрономии, а также содержала многочисленные сведения из других отраслей знания естественно-научного характера).

Тем временем беспокойная Сара выхлопотала для Берти место младшего ученика в крупной мануфактурной фирме в Саутси. Скрепя сердце, сыну пришлось подчиниться материнской воле. Эдвин Хайд, хозяин новой фирмы, куда поступил Герберт, принадлежал согласно словам самого Уэллса, к очень редкой в ту пору породе «цивилизованных нанимателей». Он даже организовал при главном своём магазине солидную библиотеку из нескольких сотен книг, включая популярные романы Безанта Уолтера (1836-1901), Генри Райдера Хаггарда (1856-1925) и других известных писателей. Однако рабочий день Берти продолжался целых тринадцать часов и приключенческих книг этих читать ему не пришлось. К счастью, юному ученику мануфактурщика как-то попался на глаза популярный очерк мировых философских систем, очень понравившийся нашему герою, после чего он подобную литературу всегда читал в первую очередь и с большим вниманием и интересом. Продолжал Уэллс и занятия полюбившейся ему латынью. Знание этого языка было для Герберта своеобразным символом приобщения к высшему образованному обществу того времени. На втором году ученичества и весьма безрадостной работы в мануфактурной лавке Берти пришла в голову идея упрости своего учителя Хорэса Байата взять его к себе в качестве «практиканта», что само по себе было довольно нелёгким делом. Позже, в до известной степени автобиографическом романе «Тоно-Бенге» (1909) Уэллс описал свои незабываемые ощущения в этот период жизни: «... я остро чувствовал себя отщепенцем, и в дальнейшем это чувство сыграло большую роль в моей жизни. Я осознал, что для меня нет и не будет будущего в этом мире, если я сам не завоюю его» [22]. К счастью, Хорэс Байат довольно быстро согласился с предложением Уэллса, поскольку сразу же сообразил, что молодой учитель сумеет покрыть расходы на своё содержание за счет премий, которые школа сможет получить за экзамены, успешно сданные его учениками в «Колледже наставников». Оплата молодому учителю была назначена такая – в первый год двадцать фунтов, а начиная со второго – в два раза больше. Так в восемнадцать лет Герберт уже во второй раз в жизни стал «мистером учителем».

Он просыпался в пять утра, садился за импровизированный письменный стол (большой жёлтого цвета деревянный ящик) и принимался за работу. Над ящиком, выполнявшим ещё и роль книжного шкафа, висела тщательно разработанная им программа бу-

дущих уэллсовских научных и литературных успехов и афористические девизы, призывавшие к преодолению любых жизненных преград. Эта картина очень напоминала сцену из автобиографического романа великого американского писателя Джека Лондона (1876-1916) «Мартин Иден» - трогательной истории простого моряка, ставшего знаменитым писателем.

В романе, во многом автобиографичном, «Любовь и мистер Люишем» этот период жизни мистера Люишема описывается таким образом: «Над изголовьем его кровати находились начертанные чётким, крупным, по-юношески вычурным почерком следующие истины: «Знание – сила», «Что сделал один, способен сделать другой» (под словом «другой» подразумевался, конечно, сам мистер Люишем). Эти истины не полагалось забывать ни на минуту. А над выкрашенным желтой краской ящиком – на нём из-за отсутствия полок размещалась личная библиотека мистера Люишема – висела его «Программа». Полученные от Южно-Кенсингтонского колледжа голубовато-зелёные свидетельства о прохождении курса начертательной геометрии, физиологии, физиографии и неорганической химии украшали третью стену» [22].

В определенные часы (даже во время обеденного перерыва в школе) Герберт продолжал заниматься латынью, французским, Шекспиром, естественными и точными науками. В этом восемнадцатилетнем юноше, добившемся наконец вожаемой возможности развивать свой интеллект и душевные качества, отныне всё у окружающих вызвало немалое удивление. Герберт оказался превосходным школьным работником, поскольку его душа и природные способности лежали именно к педагогическому труду. Обучая других, Герберт Уэллс приобретал и делал своим достоянием гораздо больше знаний, чем требовали занятия с учениками, но и учащиеся тоже твердо усваивали немало учебных материалов. Письменные экзамены в классах, которые вёл Уэллс, продемонстрировали феноменальный (в том числе и финансовый) успех, благодаря многочисленным премиям и призов, завоеванных учащимися на конкурсных испытаниях. Уэллсу после этого уже твердо пообещали сорок фунтов жалования в год и ещё дополнительный бонусный доход, зависевший от успешной сдачи экзаменов во вверенных ему учебных классах. Наконец-то Герберт в этот период своей юной жизни был по-настоящему счастлив.

В романе «Любовь и мистер Люишем» это описывается таким образом: «Над умывальником канцелярская кнопка удерживала расписание дня. Мистеру Люишему надлежало вставать в пять утра, а свидетелем тому, что это не пустое хвастовство, был американский будильник, стоявший на ящике возле книг. «До восьми – французский» - кратко извещало расписание. На завтрак полагалось двадцать минут; затем двадцать пять минут - не больше и не меньше – посвящалось литературе, то есть заучиванию отрывков (в основном риторического характера из пьес Вильяма Шекспира, после чего следовало отправляться в школу и приступать к выполнению своих непосредственных обязанностей. На перерыв и час обеда расписание назначало сочинение из латыни (на время еды, однако предписывалась опять литература), а в остальные часы суток занятия менялись в зависимости от дня недели. Не одной минуты дьяволу с его «искушениями». Только семидесятилетний старец имеет право и время на праздность» [22].

В 1851 году в Лондоне состоялась знаменитая Всемирная выставка, продемонстрировавшая боль-

шие успехи других европейских стран, которые догнали (а в чем-то даже и перегнали) в науке и технике Туманный Альбион. Непосредственным откликом на это событие стало открытие при столичном музее практической геологии государственной Горной научной школы, в которой стали преподавать естественные дисциплины: химию, физику и даже биологию. Необходимость в выпускниках Горной школы стала возрастать с каждым годом. Борьба прогрессивных английских деятелей науки за коренную модернизацию сложившейся образовательной системы и увеличение в преподавании квоты естественных научных дисциплин постепенно начала приносить добрые плоды. Вот тут-то и стало ясно, что новые для английской школы учебные предметы преподавать просто совершенно некому! Министерство образования Великобритании раздумывало целых пять лет, но затем, наконец, предприняло решительный шаг.

В 1881 году любимому последователю и другу Чарльза Дарвина выдающемуся ученому Томасу Генри Хаксли (Гексли) – Huxley Tomas Henry (1825-1895) удалось, объединив Горную школу и несколько возникших ранее более мелких учебных заведений, организовать при Лондонском университете педагогический факультет. Назывался он сначала «Нормальной школой наук», а позднее был переименован в Королевский колледж науки. Столь востребованное в XXI веке, всемирно известное солидное английское образование, популярное у детей олигархов и арабских шейхов, зарождалось и становилось на ноги именно в те годы. В просторечии англичане называли Королевский колледж «Южный Кенсингтон» – по месту расположения этого учебного заведения. Призвано оно было готовить кадры квалифицированных преподавателей естественных и точных научных дисциплин и имело три факультета – физико-астрономический, минералогический и биологический. Лица, окончившие все три факультета, получали вожделенный диплом Лондонского университета, в состав которого был включен Южно-Кенсингтонский колледж. Курс обучения на каждом из факультетов занимал двенадцать месяцев. Выпускники одного факультета переходили на другой, а потом на третий согласно решению специальной отборочной комиссии, состоявшей из наиболее авторитетных и опытных преподавателей. Способный молодой учитель из Мидхерста обратил на себя внимание успехами своих учеников и Уэллсу пришла анкета из «Южного Кенсингтона», а вскоре и официальное письмо с приглашением прослушать годовой курс по биологии(!) у декана факультета – профессора Томаса Хаксли! К этому официальному письму предусмотрительно прилагался даже оплаченный билет до Лондона. Успех к Уэллсу пришел даже быстрее, чем он сам ожидал – всего за один год его учительства в Мидхерсте!

Очень довольная успехами сына на педагогическом поприще, Сара Уэллс заранее позаботилась о том, чтобы её любимый Берти был устроен в столице империи наилучшим образом, написав дочери одной из своих лучших подруг, которая сдавала внаём меблированные комнаты неподалеку от Нормальной школы. В то время студенты набирали на все факультеты одновременно и те из учащихся, кто показал определенные успехи в обучении, переходили потом с геологического на биологический или физико-астрономический факультет в любой последовательности. На курсе, куда приняли Уэллса, кроме него училось всего 20 человек. Первым факультетом Герберта стал биологический, а первой учебной комна-

той куда он попал, – лаборатория. Это было довольно просторное длинное помещение с большими столами из толстых сосновых досок, оборудованное множеством водопроводных кранов и фаянсовых раковин, полками с препаратами и реактивами, диаграммами и рабочими инструкциями на стенах. Под газовыми светильниками с удобными для глаз зелеными абажурами стояли микроскопы, а также лежали препараты и инструменты для анатомирования лабораторных животных. Вдоль внутренней стены была выставлена замечательно классифицированная самим Томасом Хаксли серия образцов различных животных и растений. Все предметы, находившиеся в лаборатории, были так или иначе связаны с теорией эволюции разнообразных форм жизни Чарльза Дарвина. Здесь Герберту было очень приятно работать. Одна дверь из лаборатории вела в препараторскую, а другая – в квадратный, довольно обширный лекционный зал, стены которого были по всему периметру сплошь и рядом уставлены скелетами, грудями черепов, увешаны чучелами и восковыми моделями животных и птиц. В этом зале Уэллс прослушал полные курсы лекций по общей биологии и зоологии. Оба курса вел лично Томас Генри Хаксли (1825-1895) – крупнейший английский биолог, соратник Чарльза Дарвина и виднейший пропагандист его учения, Президент Лондонского Королевского общества, член-корреспондент множества зарубежных академий, в том числе Петербургской Академии наук. Именно Томасу Хаксли суждено было стать духовным отцом Герберта Уэллса. Много лет спустя выдающийся писатель подчеркивал: «Не знаю, способны ли нынешние студенты понять, какие чувства мы испытывали по отношению к нашему декану... Я считал тогда, что повстречал самого великого из людей, с кем когда-либо пересекутся наши жизненные пути, и я всё ещё твердо верю в это и сейчас» [9].

Томас Хаксли, высокий кареглазый плотный человек с одухотворенным лицом и львиной гривой седых волос сам себя называл «цепным псом дарвинизма» [7]. Чарльз Дарвин умер менее чем за два года до поступления Уэллса в Нормальную школу, поэтому каждый предмет на биофаке всё ещё был овеян невидимым присутствием дарвиновской грандиозной личности, однако и сам Хаксли стал к этой поре уже живой легендой. Декану еще не исполнилось шестидесяти лет, но за его плечами было три десятилетия громкой славы в науке и в образовательной деятельности. В двадцать шесть лет Хаксли стал академиком. Начинать он свою научную карьеру морским путешественником в Австралию отчёты о котором регулярно публиковал на страницах научных журналов и, вернувшись домой, с удивлением обнаружил, что дружбы с ним добиваются такие известные люди, как сам Чарльз Дарвин (1809-1882) и основоположник английского позитивизма, знаменитый философ Герберт Спенсер (1820-1903) [21]. Хаксли написал и первую рецензию на дарвиновскую книгу «Происхождение видов путем естественного отбора», вышедшую в 1859 году; полное название этого труда «ON THE ORIGIN OF SPECIES by means of natural selection or the preservation of favoured races in the struggle for life CHARLES DARWIN, M.A., fellow of the Royal, geological, Linnean, etc, societies author of journal of researches during r.m.c. Beagle's voyage round the world» [4]. Позднее, именно благодаря блестящим публичным лекциям Хаксли, широкая английская публика близко познакомилась с дарвиновской теорией эволюции. Первым в Англии (еще до Дарвина) Хаксли опубликовал книгу «Место человека в природе»

(1863), в которой открыто заявил о происхождении человека от общего с обезьяной предка. Он был замечательным лектором, эрудированным полемистом, превосходным писателем, человеком высокой и разносторонней культуры, одним словом – личностью блестящей, незаурядной и во многом уникальной. Таким образом, в жизнь Уэллса вошёл один из самых замечательных людей XIX века. Хаксли был глубоко убежден в том, что не должно быть никаких резко очерченных границ, никакого обособления между литературой, наукой и культурой. С каждым годом он всё больше и всё чаще писал не о сугубо научных, а о философских и общекультурных проблемах. Так, готовя из Герберта скрупулёзного исследователя, он, как бы ненароком, воспитывал в нём будущего писателя и замечательного просветителя. Вспоминая о годах, проведённых в Южном Кенсингтоне, Уэллс постоянно подчёркивал, что именно там, научившись мыслить как учёный, он в то же время обрёл себя как личность. Было ещё одно важное духовное качество, которое перешло от Дарвина к Хаксли, а от декана – к его ученикам, в том числе и к Уэллсу. Как писал о своём отце сын Дарвина Уильям, «чертой его характера, которая ярче всего запечатлелась в моей памяти, было какое-то напряжённое отвращение или ненависть ко всему, сколько-нибудь напоминавшему насилие, жестокость, в особенности рабство. Это чувство шло у него руку об руку с восторженной любовью, с энтузиазмом к свободе – к свободе личности или к свободным учреждениям» [7].

Студенческие годы Уэллса были очень голодные, привычным обедом Герберта во время его пребывания в Южном Кенсингтоне была всего одна булка. Вскоре открыли дешёвую столовую для студентов, но и там кормили не ахти как. Несколько раз на глазах Уэллса малоимущие студенты-биологи падали в голодный обморок. Уэллс был глубоко убеждён в том, что именно эти насытые годы надолго подорвали потенциал его здоровья. Герберт трудился с утра до ночи, не только заполняя пробелы в своих знаниях, но и стараясь преодолеть глубокий комплекс социальной неполноценности. На фотографии того периода худющий студент-биолог Уэллс выглядит тем не менее уверенным, что будущее целиком принадлежит ему, а остальные пока этого ещё не понимают! Благодаря активному участию в Дискуссионном обществе Нормальной школы, Герберт приобрёл репутацию большого остроумца и остролова. Одна из студенток его же курса, Элизабет Хили потом рассказывала, что Уэллс с самого первого взгляда поразил её своими удивительными голубыми глазами (следствие ирландского происхождения по матери – Авт.), замечательной каштанового цвета шевелюрой, а главное – необыкновенной общительностью, искренним дружелюбием, тонким юмором и поразительной способностью вести увлекательные разговоры на самые различные темы. «Я в то время не знала лучшего оратора – подчёркивала в своих мемуарах Э. Хили, – Ум у него был острый и быстрый. Его сарказм никогда не ранил тех, против кого был направлен, потому что он всё смягчал своим юмором и говорил только правду. Он всегда нападал на условности, фальшь и притворство... и разрушал устоявшиеся мнения» [9].

Герберт Джорж Уэллс всегда признавал, что очень многим в своей жизни, успехе, блестящей карьере писателя и общественного деятеля он обязан прежде всего своему учителю – знаменитому Томасу Хаксли (в иной транскрипции Гексли). В романтизированной биографии Ирвина Уильяма, называющейся «Дарвин и Гексли» и имеющей подзаголовок

«Обезьяны, ангелы и викторианцы» [7], упоминается нашумевшая в своё время речь Томаса Генри Хаксли «О научном образовании», произнесённая им в 1869 году на официальном обеде ливерпульского Филоматического общества. В ней изложено кредо великого английского биолога; всю свою жизнь он старательно и страстно передавал ученикам и современникам выношенные им взгляды и принципы. Вот это кредо Хаксли: «По мере того как все выше поднимается в своём развитии производство, совершенствуются и усложняются его процессы, обостряется конкуренция, – в общую схватку одна за другою вовлекаются науки, чтобы внести свою лепту, и кто сможет наилучшим образом ими воспользоваться, тот выйдет победителем в этой борьбе за существование, бующей под внешней безмятежностью современного общества так же яростно, как меж дикими обитателями лесов» [7]. Великий биолог, просветитель и организатор науки и высшей школы Англии считал, что научное образование должно служить двум целям: оно должно внушить человеку понятие о причинности и развернуть перед ним бескрайнюю картину Вселенной. По мнению Хаксли, совершенно необходимо, чтобы каждый учащийся чётко осознал и крепко уяснил себе и единообразие природы, и одновременно с тем её необъятность.

По свидетельству современников, Хаксли внешне абсолютно не производил впечатления закалённого в словесных баталиях воина. Так, доктор Дж. Г. Гладстон, отдав дань восхищения энергии Хаксли, его практической смекалистости, умению сочетать твёрдую убеждённость с уникальной готовностью вникнуть в образ мыслей другого, не без удивления вспоминал, что с точки зрения политикой единственным слабым местом Хаксли была его известная эмоциональная ранимость, он вовсе не принадлежал к тем «толстокожим», людям которые могут спокойно сидеть и слушать, посмеиваясь, как их честят на все корки и ругая ругают.

Когда в 1871 году в Королевском обществе освободилось место секретаря, мало кто помышлял, что Хаксли согласится его занять. Должность эта была беспокойная и хлопотная, а он уже и так был перегружен и не вполне здоров. К тому же Хаксли определённо предстояло стать в недалёком будущем Президентом Королевского общества. И тем не менее, сознавая, что в качестве секретаря он принесёт больше пользы, он дал понять, что возражать против такого предложения не будет. И проработал после этого секретарём целых десять лет! В Герберте Уэллсе великий Хаксли сразу же распознал недюжинный талант; он считал, что Англия должна относиться к самородкам очень бережно, всячески их развивая и облегчая (в том числе финансово) им путь вперед. Хаксли образно указывал: «Нищета – это спичка, которая никогда не гаснет; талант как взрывчатое вещество даст сто очков вперёд пороху... Что придаёт силу социальному движению, всколыхнувшему сейчас до самых глубин европейское общество, как не упорная решимость одарённых от природы людей из низших и средних слоёв положить конец нищете и обездоленности, в которую ныне ввергнута большая часть их собратьев?» [7].

Старая народная английская пословица гласит: «Если хочешь молока, не сиди на табуретке посреди пастбища, выжидая, пока корова сама подставит тебе вымя». Эта мудрость была вполне в духе поучений, которые молодой Уэллс вывешивал в своей комнатке и постоянно держал перед глазами подобно джек-лондонскому Мартину Идену.

Ещё Герберту нравился старинный рецепт заячьего пирога, начинавшийся словами: «Прежде всего поймите зайца». Он всегда обращал внимание на то, что в нём не было сказано: «Сначала купите зайца или сидите и ждите, пока кто-нибудь не принесёт его Вам». Подробные мудрые уроки, преподаваемые Герберту самой жизнью, научили его всегда крепко думать своей головой и браться за большое дело самому.

Для британского характера это во все времена было истинным жизненным правилом, никто и никогда из истинных англичан не ждал, что ему всё принесут «на блюдечке с голубой каёмочкой». Уэллс унаследовал и развил в себе лучшие черты британского характера – энергичность, целеустремлённость, деловитость, оптимизм, честность, трудолюбие, упорство в достижении поставленной цели.

Авторы настоящей статьи считают, что современный писатель и известный альпинист Джеймс Ульман довольно чётко и точно сформулировал то, о чём мы сейчас говорим: «Вызов – это причина и движущая сила всех деяний человечества. Если есть океан – мы пересечём его. Если есть болезнь – мы её вылечим. Если существует несправедливость – мы её исправим. Если есть рекорд – мы его побьём». Герберт Уэллс (мы в этом искренне убеждены) был бы в полной мере согласен с этим прекрасным высказыванием, поскольку в его духе было постоянно бросать вызов, прежде всего самому себе, и преодолевать возникшие трудности в ходе достижения цели.

Успехи в ученье людей, подобных Герберту Уэллсу, ценились в научном сообществе больше всего. Для Уэллса все затраченные им усилия полностью оправдались: «проходящий курс усовершенствования учителя» Герберт Джордж Уэллс окончил учебный год по первому разряду, т.е. он сдал на «отлично» не меньше восьмидесяти процентов экзаменов по множеству весьма узких дисциплин. Уэллс окончательно утвердился в самоуважении, зародившимся в нём в Мидхерсте. Воодушевлённый примером Хаксли, Герберт был уверен, что, представься ему возможность, он со временем станет профессором зоологии. Однако подобной возможности не представилось. На геофаке он учиться не стал. В автобиографическом романе «Тонго-Бенге» Г. Дж. Уэллс о том периоде своей жизни писал так: «Мой ум не бездействовал, он только питался запретной пищей. Я не изучил того, что могли бы дать профессора со своими ассистентами, но узнал многое другое, научился мыслить широко и при этом самостоятельно. В конце мои товарищи, которые успешно сдали экзамены и считались у профессоров примерными студентами, не добились таких поразительных успехов, как я. Некоторые стали профессорами, другие техническими экспертами, но ни один из них не может похвастаться, что сделал столько для человечества, сколько я, работая во имя своих личных целей» [22]. Кстати, само название этого романа соответствует наименованию «эликсира жизненной энергии» которым торговали герой этого произведения, студент – фармацевт, от имени которого ведётся рассказ и его дядя по фамилии Пондерво.

Большую роль в формировании Уэллса как личности сыграл и Уильям Моррис (1834-1896). Этот человек обладал могучим здоровьем, редкой физической силой и при своём небольшом росте был столь широкоплеч, что казался квадратным. Одарён он был всесторонне. Он был поэтом, писателем, художником, архитектором, владел неисчислимым количеством ремёсел. Первый образец почти любого изделия,

выпускавшегося его фирмой, он делал самодельно, поощряя при этом рабочих, его воспроизводивших, к импровизациям и развивая их вкус. Антибуржуазность этого выходца из богатой семьи выросла из его увлечения «Капиталом» Маркса и привела Морриса к основанию одной из первых социалистических организаций в Англии. Герберт, благодаря знакомству с идеями и плодами деятельности Морриса, увлекавшегося к тому же искусством, искренне заинтересовался социализмом. К искусству Уэллс пришёл именно в те годы, когда стала расцветать литературная слава Роберта Льюиса Стивенсона (1850-1894) автора «Острова сокровищ» (1883), молодого врача Артура Конан Дойла (1859-1930) с его знаменитым циклом рассказов о Шерлоке Холмсе (1887-1917), журналиста из Индии Редьярда Киплинга (1859-1936), выпустившего несколько сборников рассказов и ставшего очень быстро лондонским «литературным львом», а также Гильберта Кита Честертона (1874-1936) – младшего современника Уэллса и его постоянного оппонента, умершего, тем не менее, на 10 лет раньше.

Между выдающимися английскими писателями Гербертом Уэллсом и Артуром Конан Дойлом сложились уже давно добрые, искренние и уважительные отношения. В связи с коронацией Эдуарда VII летом 1902 года доктор Конан Дойл был включен в список почётных лиц (в случае, если он соизволил принять титул рыцаря). Затруднение состояло в том, что Конан Дойл вовсе не желал принимать рыцарский титул и только после вмешательства его матушки, указавшей на неучтивость подобного поведения сына по отношению к королю, Артур, скрепя сердце, всё же согласился. В хлынувшем потоке поздравлений было и то, которое глубоко тронуло душу новоиспечённого рыцаря – сэра Артура Конан Дойла. «Мне кажется, - писал своему старшему другу Герберт Уэллс, - поздравлять нужно тех, кто имел честь оказывать почести Вам» [5].

Новелла, с которой всерьёз начинается карьера Уэллса – писателя, называлась «Препарат под микроскопом» (1893), которая, до известной степени автобиографична и связана с периодом занятий биологией в Южно-Кенсингтонском колледже. Вскоре выходит в свет первый сборник его рассказов «Похищенная бацилла и другие происшествия», а затем ещё пять сборников новелл. Последний сборник назывался «Дверь в стене и другие рассказы» (1911). Новеллистика – это самое начало огромной популярности Уэллса как автора и это всегда «рассказ о необычном». Всякий раз, принимаясь за очередной рассказ, Герберт испытывал величайшее творческое возбуждение, воображая, что его произведения попадут в руки людей, читающих по дороге на работу в пригородных поездах или в омнибусах. Его согревала мысль о том, что занимательный рассказ о каком-либо происшествии, романтическом событии или остросюжетная увлекательная новелла, написанная им на одном дыхании, точно так же в какие-нибудь полчаса будут «проглочены» его постоянными читателями. Уэллсу – новеллисту чаще удавалось рассмешить, чем написать, его фантастика и юмористика происходят из одного источника, из таданта автора мгновенно пересечь границу обыденного, приевшегося и привычного, создать некую непредвиденную ситуацию, подтолкнув героев на неожиданные действия и непредвиденные поступки. В 1894 году Уэллс пишет рассказ «Похищенная бацилла», не утративший значения и в наше время. Анархист (в наши дни актуальным был бы террорист) похищает у профессора-бактериолога пробирку с вибрионами холеры (не бациллами, если быть достоверно точным), чтобы

отравить население Лондона. Спасаясь бегством от преследования, похититель нечаянно разбивает пробирку. Анархист выпивает последние капли, как он полагает, смертоносной жидкости, однако никакой грозной эпидемии не возникает. Пугающая завязка новеллы мгновенно превращается в совершеннейшую комедию. Оказывается, учёный просто похвастался: никаких возбудителей особо опасной инфекции у него вовсе не было, он показал своему посетителю выведенную им самим необычную бактерию. От неё всё живое приобретает абсолютно новую окраску. Одни существа становятся тёмно-синими, другие голубоватыми, третьи покрываются пятнами хотя это вовсе не вредит их здоровью. В ближайшее время (после завершения инкубационного периода) часть населения великого города вполне может... посинеть... Чистейшая юмористика предстаёт в рассказе в комичнейших сценах погони, достойных лучших образцов эпохи немого кино...

В пределах пространства лаконичной новеллы Уэллс практически всегда добивается возможности реализовать все свои таланты, способности и возможности. Его искренне увлекает самый широкий диапазон человеческих эмоций, ощущений и представлений в различных комбинациях и вариантах. Писателю зачастую удаётся придать юмористическому оттенку грусти и даже жути, наивному – уверенности, а повседневному – признак вечности. Здесь мы видим «звёздные часы» творчества Уэллса как художника слова. В новелле ярко демонстрируется стремление Герберта Уэллса к широчайшему охвату окружающего мира и постижению действительности в её многообразии и целостности, что всегда было характерно для Уэллса – мыслителя. Рассказы, в которых Уэллс – художник достигает вершин своего творчества, вдохновили многих авторов на дальнейшие свершения. Среди продолжителей дела Уэллса литературоведы сегодня обычно называют таких фантастов, как Артур Кларк, Александр Беляев, а также братьев Аркадия и Бориса Стругацких. Изощрённый мастер новеллы Сомерсет Моэм (врач по профессии) говорил, что среди рассказов Герберта Уэллса есть несколько подлинных шедевров и что Уэллс – очень «сознательный» художник.

Масштабное теоретическое мышление, полученное Уэллсом блестящее биологическое образование, которым он обладал в полной мере, отнюдь не помешали стать ему подлинным художником слова. Это в полной мере подтвердил его первый роман «Машина времени» (The time machine), изданный 1895 г. десяти тысячным тиражом. Автора назвали человеком огромного таланта, вызвавшим огромный интерес во всём мире. Книга одновременно вышла и в Англии и в США и имела неслыханный успех, что потребовало новых изданий и переизданий. Кстати, вокально-инструментальная группа Андрея Макаревича, имеющая название «Машина времени», названа так была далеко не случайно – руководитель этого музыкального коллектива, как он сам заявил в одном из интервью по телевидению, с детских лет увлекался творчеством Уэллса.

Авторы настоящей статьи ещё в начале 60-х годов XX века имели в качестве своих настольных книг «Похищенную бациллу» и «Машину времени», а Уэллс именно с той поры стал одним из наших любимейших английских фантастов. С выходом в свет «Машина времени» к Герберту Уэллсу пришли все виды успеха – материальный, светский, художественный. В письме к матери он в те годы писал: «Приятно всё-таки почувствовать себя чем-то стоящим после стольких лет непрерывных усилий и разочарований»

[9]. После «Машины времени» как из рога изобилия стали появляться очередные фантастические и социально-бытовые романы «Остров доктора Моро» (The island of Dr. Moreau, 1896), «Колёса фортуны» (Wheels of chance, 1896), «Человек-невидимка» (The invisible man, 1897), «Война миров» (The war of the words, 1897), «Когда спящий проснётся» (When the sleeper wakes, 1899), «Любовь и мистер Льюишем» (Love and Mr. Lewisham, 1900), «Первые люди на Луне» (The first men on the Moon, 1901). Всего шесть лет прошло с того момента, когда вышел в свет его первый роман «Машина времени» (The time machine), но этого времени оказалось вполне достаточно, чтобы Уэллс завоевал славу замечательного писателя, проложившего новые пути в фантастике и в классической прозе. В таких произведениях Уэллса, как «Колёса фортуны» (Wheels of chance, 1896), «Любовь и мистер Льюишем» (Love and Mr. Lewisham, 1900) и «История мистера Полли» (The history of Mr. Polly, 1910) типичных «бытовых» романах, имелось остро-современное звучание, в них чётко отражалась общественная система, а свойственная автору иронически отстранённая манера повествования позволила Уэллсу с особенной остротой подметить отношение героев к этой системе. В своих знаменитых фантастических романах Уэллс с большой убедительностью рассказывал об огромных общественных сдвигах. Однако и бытовые романы не вступали в противоречие с его фантастическими «вещами». Уэллс считал, что кому же менять жизнь, как не людям, недовольным существующим порядком вещей и не желающим с ним примириться?

Герберт Уэллс к писательскому мастерству, как видно из его истории жизни, пробивался с большим трудом, ценою немалых разочарований. Но писателем (и не просто литератором, а всемирно известным и чрезвычайно популярным до сих пор автором) он всё-таки стал. После огромного успеха первых своих фантастических романов Уэллс обратился душой к тем, кого, казалось бы, оставил далеко-далеко позади себя, но кто по-прежнему оставался с ним. Эти люди, несоизмеримые ни по объёму знаний, ни по масштабу мыслительной работы со всемирно признанным авторитетным Гербертом Уэллсом, всё равно составляли часть существа писателя.

Уэллс – исследователь и общественный деятель был глубоко убеждён в том, что существует два противоположных вида исторической науки: история традиционная, устаревшая, но всё ещё господствующая в школах и политических учреждениях и другая, новая история, которая, по словам Уэллса, является «человеческой биологией» и которой ещё предстоит утвердиться в системе просвещения. Старая история в своей основе была хроникальной, заключённой в книгах, манускриптах, надписях. Это была по сути дела книжная история, описательная наука, основывавшаяся во многом на сообщениях очевидцев и занимавшаяся преимущественно частностями. Ядром новой исторической науки должно стать, по мнению Уэллса, изучение причин явлений, а рассказ и описательность займут в такой дисциплине подчинённое положение; деталь должна быть по возможности упрощена, а главным, как и в любой другой науке, должно стать исследование причинности. Именно этому профессору Герберт научился у великого Томаса Хаксли!

«Та история, – пишет Уэллс, – которой нас пичкали с детства, не умела предвидеть» [3]. Вслед за Генри Фордом, «самобытным, ясного ума американцем», утверждавшим, что «история – это чушь», Уэллс го-

ворит, что «история – это собрание претенциозных басен, почти непригодное для каких-либо практических нужд» [9]. В качестве основного тезиса Уэллс выдвигает требование во всех школах без исключения «преподавать мировую историю – точно так же, как преподают одинаковую химию и биологию». Новая история, по мнению великого фантаста, педагога и биолога Уэллса, должна быть «общей летописью всех развивающихся стран, а не какого-либо отдельного общества». Характер исторических знаний и мышления в современном Уэллсу обществе был таков, что «непрерывный процесс расширения связей, имеющий биологическое происхождение и ставший сердцевинной истории, привлекал лишь поверхностное внимание». Даже признавая известную общность в прошлом, историки всячески отрицали (и теперь отрицают) такую возможность в нынешних условиях. Их исходное понятие – нация. Они и слышать не хотят о космополисе. Уэллс видит, что именно учреждения космополиса должны стать главным тезисом научной, «помогающей жить истории». Он с большой убедительностью отстаивает мнение о важнейших факторах, влиявших на распространение, развитие и слияние человеческих групп, например, о заболеваниях, в особенности эпидемических, о климатических условиях. Он пишет: «... уже на самых первых страницах своей биологической истории человек предстаёт как враг самому себе и всему живому. Подумать только, какими незначительными хозяевами были наши предки! И мы ни чуть не лучше их. А всё потому, что не извлекаем уроков из истории. Человек вырубает и выжигает леса, истощает почву, уничтожает редких животных». Уэллс призывает в этой работе к созданию конструктивной идеи экологически продуманного мироустройства.

В этом плане мысли Уэллса о существенном влиянии природы на ход исторического процесса близки к воззрениям русского учёного А.Л. Чижевского (1897-1964), основоположника гелиобиологии, защитившего в марте 1918 г. диссертацию на тему «Всемирно-исторический процесс и циклическая деятельность Солнца» на соискание доктора наук по специальности «всеобщая история» в которой автор подчёркивал представление о мировом историческом процессе как едином и цельном явлении [23]. В настоящее время в силу глубоких антропогенных вмешательств природные и климатические условия Земли, прогрессирование глобального потепления, которое прогнозировалось специалистами ещё 50-60 лет назад, таяние ледников, наступление пустынь, что особенно характерно для Сахары и пустыни Гоби, нарастает неблагоприятное влияние меняющихся экологических условий на жизнь людей многих стран мира. По сообщениям в печати, в связи со значительным усилением ежегодно возникающих песчаных бурь и продвижения пустыни Гоби в юго-восточном направлении уже всерьёз ставится вопрос о переносе столицы Китая из Пекина в другой город, с более благоприятными климатическими условиями. Многолетние засухи на севере Африки привели к массовому голоду и гибели сотен тысяч людей в странах Магриба. Всё это убеждает в правомочности взглядов Уэллса на важную биологическую и экологическую составляющую мирового исторического процесса.

Научное и художественное у Уэллса в характеристике будущего человечества естественным образом сливалось, что давало возможность читателю с увлечением следить за перипетиями необычайных сюжетов и одновременно давало простор фантазии читателю. Уэллс писал о своём методе так: «Я ограни-

чиваю себя исключительно тем, что считаю возможным. Я не хватаюсь за любую смелую идею, какая только мне придёт в голову, и не ищу сенсаций. Я рисую будущее таким, каким, насколько я могу судить, оно и будет. Я отлично сознаю слабость своего воображения и готов допустить, что, говоря о будущем, могу ошибаться, но утверждаю, что перемены, мною предсказанные, – ничто по сравнению с тем, что действительно пройдёт в течение ближайших двух столетий» [9]. И действительно, Уэллс предугадал и практически первым из европейских писателей выразил главные тенденции ряда направлений в искусстве XX века. Совмещая различные временные (хронологические) пласты, Уэллс – писатель не только дал первые образцы открытого, чётко ориентированного на выполнение определённых художественных задач монтажа (Сергей Эйзенштейн, режиссёр знаменитого фильма «Броненосец Потёмкин» утверждал, что «несознательный» монтаж всегда присущ любому виду искусства). Уэллс предугадал и мифотворческие тенденции, ярко прозвучавшие в дальнейшем в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова, «Иосифе и его братьях» Томаса Манна и в романе-эпопее «Сто лет одиночества» Габриэля Гарсия Маркеса.

Философские выкладки лучших произведений Герберта Уэллса родились не из одних только регулярных занятий физикой и биологией в стенах незабвенной Alma mater. С их помощью писатель хотел осмыслить само явление, сам феномен жизни как таковой. При этом Уэллс никогда не терял из виду обыденность, однако сталкивал эту привычную повседневность с мёртвой точки, ускоряя ход событий, обнаруживая множество деталей, после чего возвращал читателя назад и, бросив взгляд на минувшее, давал возможность понять что именно из случившегося, из наступившего грядущего, коренилось в сегодняшнем дне. Он без устали говорил обывателю всё самое неприятное, разрушая привычное самодовольство филистера, ставил того на место, пугал, если простые уговоры «не работали». Уэллс весьма ценил тепло человеческого общения («роскошь человеческого общения», как называл это явление А. де Сент Экзюпери), он восхищался способностью человека искренне потешаться над окружающим и над самим собой, любить и быть любимым, вдыхать чарующие ароматы растений и погружаться в интереснейшую книгу, смотреть и видеть, слушать и слышать, другими словами, – быть человеком во всех смыслах этого понятия.

Новая литература, основы которой в числе иных великих «пионеров культуры» закладывал и Герберт Дж. Уэллс, нуждается в современном теоретическом культурологическом фундаменте. Сегодня, в XXI веке принято выделять историческое, документальное, идеологическое, религиозное, научное и художественное знание. Известный специалист в области философии культуры М.С. Каган подчёркивает в этой связи: «В духовной культуре, бытии человека роль единичного возрастает, именно здесь оно предстаёт как уникальное и неповторимое – личность человека, художественное произведение. Художественное знание имеет не теоретический, а образный характер, что противопоставляет его научному знанию, одновременно сближая с мифологическим и религиозным. Это знание раскрывает свою опосредованность через вымысел, фантазию, выраженную в законченной художественной форме» [8]. Герберт Уэллс в полной мере владел и художественным методом, он широко использовал вымысел и фантазию, находящиеся, тем не менее, на прочной научной платформе. Подобный

подход затем успешно использовали В.А. Обручев («Плутония», «Земля Санникова»), И.А. Ефремов («Лезвие бритвы», «Час быка»), А.Р. Беляев («Изобретения профессора Вагнера», «Человек амфибия») и иные популярные писатели - фантасты, считавшие Уэллса своим предшественником и, в известной мере, учителем.

И ранее в ходе человеческой истории и теперь, в новейшую эпоху компьютерных технологий и Интернета, «никакое человеческое сообщество не может нормально функционировать без постоянного осуществления множества коммуникативных актов» [3]. И вполне понятно, что для должного функционирования социум нуждается в прогностике, фантазии и возможности моделировать грядущее. В этом плане пример жизни и потенциал лучших произведений Герберта Уэллса всегда будет актуален и злободневен.

Сейчас, когда эпоха печатных книг всё более и более закатывается (что будет далее не известно пока никому), аудиовизуальные средства коммуникации приобретают, как отмечают специалисты, мифотворческие, магические и почти магнетические способности прямо воздействовать на сознание и поведение людей, в особенности молодого поколения. Пока школьные преподаватели сетуют на то, что дети все реже читают книги и все чаще сидят за компьютером и смотрят по телевизору музыкальные клипы, специалисты в области современных технологий всё более агрессивно используют экранные медиумы для воздействия на психику и эмоции человека. Защитники книжной культуры склонны считать, что всё это ведёт к одичанию людей. Компьютерная лингвистика (есть и такая современная наука) смотрит в будущее с определённой степенью оптимизма, хотя к чему в дальнейшем приведёт засилье информационных технологий, сказать сейчас ещё не в состоянии никто. Антропологические последствия книг и чтение, о которых в своё время активно размышлял и Герберт Дж. Уэллс, заключаются в том, что поведение человека способно позитивно меняться – оно становится более цивилизованным, культурным и креативным. Современные же молодые люди, которые вместо того, чтобы общаться между собой лицом к лицу, общаются (коммуницируют) в Интернет-кафе посредством компьютера, рискуют оказаться «несостоявшимися личностями», захваченными стихийными силами бытия. Герберт Уэллс предупреждал читателя о подобных явлениях, когда всё человеческое – доброта, жалость, любовь... никогда не должны терять изначальный смысл.

На протяжении своей жизни Герберт Уэллс опубликовал сто десять книг, став «живым классиком», способным и в XXI веке сказать что-то действительно нужное и крайне важное людям. В 1936 году в Англии праздновали семидесятилетие Герберта Уэллса и знаменитый французский литератор, автор многочисленных романизированных биографий Андре Моруа (его книги о Бальзаке, Дюма, Дизраэли, Байроне считаются непревзойдёнными) на предложение выступить на юбилейном банкете ответил: «Я охотно дал согласие, потому что считаю Уэллса непревзойдённым фантастом, принадлежащим к тому же к редкому числу писателей, которые обладают подлинной научной культурой» [14].

Выдающийся французский писатель, виртуозный эссеист, безукоризненный стилист – «проницательность, тонкость, жизнь, боль, исповедательность, острый французский ум» (так о нём сказал Ихил Шрайбман) Андре Моруа (настоящее имя Эмиль Эр-

гоз) родился в 1885 году в Эльбефе, небольшом нормандском городке, куда его родители переехали из Эльзаса. Эмиль рано понял своё истинное призвание писать. Взяв имя своего двоюродного брата Андреа, павшего на полях сражений Первой мировой войны, а фамилию от названия одной из прифронтовых деревень, молодой автор выпустил в свет роман «Молчаливый полковник Брембл», вышедший в 1918 г. и получивший признание читателей и критики [17].

Андре Моруа не случайно был избран на роль человека, поздравившего юбиляра Герберта Уэллса от имени европейской культуры. В своих эссе Моруа часто утверждал, что после чтения великого романа или представления прекрасной пьесы «... мы становимся как бы лучше и чувствуем себя очищенными. Мы испытали страсти: мы постигли, что время сглаживает всё на свете, мы увидели, как ничтожны наши маленькие повседневные несчастья в сопоставлении с безмерностью событий и трагизмом великих страданий. Мы научились признавать в других людях своих братьев. Не думая о нравственности, мы, тем не менее, стали более нравственными» [15]. Именно это и почувствовал Моруа в Уэллсе и в его лучших книгах. Романы Герберта Уэллса были способны создать всестороннюю картину настоящего читателя, делая его лучше, не прибегая при этом к урокам морали. По нашему мнению, личность такого автора, как Андре Моруа, нуждается в несколько более подробном освещении что мы намерены осуществить в дальнейшем.

В огромном творческом наследии писателя, насчитывающем двести томов, включающем романы, новеллы, исторические труды, статьи и философские эссе, главное место занимают жизнеописания. Не считая многочисленных литературных портретов, Моруа создал шестнадцать романов – жизнеописаний – от Байрона и Тургенева до Бальзака и Дюма [13, 16]. 9 октября 1967 года в возрасте 82 лет один из популярнейших писателей французской литературы XX века умер.

Другой именитый французский писатель, лауреат Нобелевской премии Анатоль Франс (1844-1924) подчёркивал, что Уэллс – это «философ-естествоиспытатель, не склонный пугаться собственной мысли» [12]. В своём предисловии к первому русскоязычному собранию сочинений, предпринятому в 1909 году петербургским издательством «Шиповник», Уэллс утверждал: «Писательство – это одна из нынешних форм авантюризма. Искатели приключений прошлых веков ныне сделались бы писателями. Пускай хоть немного посчастливится твоей книге, - ну хоть так немного, как посчастливилось моим, - и в Англии ты тотчас же превращаешься в человека достаточного, вдруг получаешь возможность ехать куда хочешь, встречаться с кем хочешь. Всё открыто и доступно тебе. Вырываешься из тесного круга, в котором вертелся до сих пор, и вдруг начинаешь сходиться и общаться с огромным количеством людей. Ты, что называется, видишь свет. Философы и учёные, солдаты и политические деятели, художники и всякого рода специалисты, богатые и знатные люди – к ним ко всем у тебя дорога, и ты пользуешься ими, как вздумается. Вдруг оказывается, что тебе уже незначит читать обо всём в газетах и в книгах, ты всё начинаешь узнавать из первых рук, подходишь к самым истокам человеческих дел и событий... Быть художником – не значит ли это искать выражение для окружающих нас вещей? Жизнь всегда была мне страшно любопытна, увлекала меня безумно, наполнила меня образами и идеями, которые, я чувствовал,

нужно было возвращать ей назад. Я любил жизнь и теперь люблю её всё больше и больше. То время, когда я был приказчиком или сидел в людской, тяжёлая борьба моей ранней юности – всё это живо стоит у меня в памяти и по-своему освещает мне мой дальнейший путь. Теперь у меня есть друзья и среди пэров и среди нищих, и ко всем я протягиваю своё жадное любопытство и свои симпатии и ими, как нитями паутины, связываю верхи и низы человечества. Эту широкость моего общественного положения я почти-таю едва ли не самой счастливой моей особенностью...» [6].

В 1934 году Герберт Уэллс выпустил в свет два тома своей автобиографии, а в 1984-м (уже после смерти писателя) вышел третий том. В первых двух томах Уэллс заканчивал освещение истории своей жизни 1930 годом, объясняя это тем, что ещё живы многие люди, о которых ему хотелось бы рассказать. Но он тем не менее о них всё-таки написал, поставив перед своими наследниками одно лишь условие: «постскрипtum автобиографии» может быть опубликован только тогда, когда покинет свет последняя из упомянутых в ней». Таковой оказалась известная писательница Ребекка Уэст. В те полвека, которые прошли между первыми двумя томами автобиографии Уэллса и последним, его жизнью продолжали заниматься с большим усердием многие исследователи. Книжки, написанные об Уэллсе, могут составить довольно значительную библиотеку. И всё-таки больше всего написал о себе он сам. Все литературоведы, как только заходит разговор о жизнедеятельности этого писателя, всегда были вынуждены ссылаться именно на его произведения.

Уэллс не дожил чуть больше месяца до своего восьмидесятилетия. Он умер 13 августа 1946 года, а шестнадцатого августа его кремировали. Один из самых его знаменитых учеников, известный писатель-реалист Джон Бойтон Пристли произнёс над гробом Уэллса речь о «великом провидце нашего времени». Уэллс, по мнению Пристли, учил людей ничего не принимать на веру и постоянно задавать вопросы жизни. Его фантастику Пристли относил к самому значительному, что когда-либо написано было в этом роде, «Человека-невидимку» и «Страну слепых» - к непревзойдённому шедеврам, «Тоно-Бенге» - к эпическому полотну, а из других его созданий выше всех ставил «Киппса» и «Мистера Полли». При этом Пристли замечал, что, кто такой на самом деле Уэллс, сказать совершенно невозможно. Слишком он многогранен, слишком многосторонен. Д.Б. Пристли по-счастливилось председательствовать и выступать с речью на торжественном заседании ПЕН-клуба (президентом которого в своё время был Г. Уэллс), посвящённом столетнему юбилею «великого англичанина», как все теперь именовали Уэллса.

После кремации шестнадцатого августа 1946 года

сыновья Уэллса забрали урну с прахом и некоторое время спустя, исполняя последнюю волю великого писателя, рассеяли его прах с острова Уайт по волнам Ла-Манша. Хорошо сказал о значении Уэллса знаменитый чешский писатель Карел Чапек: «С первого взгляда его можно было бы принять за коммерсанта, судью или человека любой иной рядовой профессии... Он представляет собой исключительное явление среди современных писателей и мыслителей в силу своей необыкновенной универсальности; как писатель он соединяет склонность к утопическим фикциям и фантастике с документальным реализмом и огромной книжной эрудицией; как мыслитель и толкователь мира он с поразительной глубиной и самобытностью охватывает всемирную историю, естественные науки, экономику и политику. Ни наука, ни философия не отважится сейчас на создание такого аристотелевского синтеза какой оказался по плечу писателю Уэллсу... Но при этом Уэллс не ограничивается познанием и систематизацией исторического опыта человечества; для него этот опыт – только предпосылка будущего, более прогрессивного мироустройства. Этот всеобъемлющий исследователь является одновременно одним из самых настойчивых реформаторов человечества – он не стал догматическим вожакom и пророком, но избрал роль поэтического открывателя путей в грядущее. Он не предписывает нам, что мы должны делать, но намечает цели, которые мы можем поставить перед собой, если разумно используем всё, чему нас учит история и физический мир. Герберт Джордж Уэллс никогда не будет принадлежать исключительно истории литературы, в равной и, возможно, ещё большей степени он войдёт в историю человеческого прогресса» [9]. Герберт Уэллс прошёл сложный путь духовного развития – от юношеского натиска на устоявшийся, косный мир обывателей и филистеров к искренней скорби за новые поколения, так и не познавшие счастья жить и творить на Земле, освобождённой от жестокости, несправедливости и войн. Этот неординарный, иногда странный и не всегда последовательный в быту человек оказался удивительно последовательным в главном – в гуманизме. Гуманизме подлинном, трезвом, интеллектуальном, чуждом своекорыстной лести и полному заботы о людях. Более ста оставшихся после Уэллса книг, многие сотни его статей, рецензий и заметок сохранили для нас его мысли, сомнения, открытия и надежды. Подавляющее большинство из того, что он сказал в XIX-XX веке, волнует нас сегодня даже больше, чем его современников. Он довольно рано приобрёл мировую славу, однако только поколение, пришедшее после Уэллса, увидело в нём великого писателя, философа и провидца. Им безраздельно владело великое стремление вобрать в себя всё, чем живёт человечество. И очень многое ему удалось.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большая советская энциклопедия [3-е изд]. – М.: «Советская энциклопедия», 1977. – Т. 27. – С. 170-171.
2. Гамбаро К. Замки Европы / К. Гамбаро, Калорэ П., Пошоли М.Э. – М.: ЗАО «БММ», Б.г. – 384 с.
3. Гусев С.С. Смысл возможного / С.С. Гусев. – СПб, 2002. – 144 с.
4. Дарвин Ч. Происхождение видов путём естественного отбора [пер. с англ.]. / Ч. Дарвин. – М.: Просвещение, 1987. – 384 с.
5. Дойл А.К. Собрание сочинений / А.К. Дойл. – коммент. канд. филол. наук, доц. А.П. Краснящих. – Харьков; Белгород: изд-во «Клуб семейного досуга», 2010. – Т. 8. – 368 с.
6. Иконникова С.Н. История культурологических теорий / С.Н. Иконникова. – СПб, 2005. – 470 с.
7. Ирвин У. Дарвин и Гексли. Обезьяны, ангелы и викторианцы [пер. с англ.]. / У. Ирвин. – М.: Молодая гвардия, 1973. – 464 с.
8. Каган М.С. Философия культуры / М.С. Ка-

ган. – СПб: Петрополис, 1996. – 378 с.

9. **Кагарлицкий Ю.И.** Вглядываясь в будущее: Книга о Герберте Уэллсе / **Ю.И. Кагарлицкий** // Предисл. П. Париндера. – М.: Книга, 1989. – 352 с.

10. **Карр Дж. Д.** Артур Конан Дойл / **Дж. Д. Карр, Х. Пирсон**. – М.: Книга, 1989. – 320 с.

11. Краткая литературная энциклопедия. В 9 томах. – М.: изд-во «Советская энциклопедия», 1972. – Т. 7. – Стб. 863-866.

12. **Маркова Т.Б.** Библиотека в истории культуры / **Т.Б. Маркова**. – СПб: Наука, 2008. – 327 с.

13. **Моруа А.** Письма незнакомке. Избранные произведения / **А. Моруа**. – Львов: изд-во ЛГУ, 1989. – 296 с.

14. **Моруа А.** Собрание сочинений в шести томах / **А. Моруа**. – Т. 1. Три Дюма. Часть I-VII. [пер. с франц.] – М.: Пресса, 1992. – 320 с.

15. **Моруа А.** Собрание сочинений: в пяти томах / **А. Моруа**. – М.: Олимп, изд-во АСТ, 1998. – Т. 1. – 560 с.

16. **Моруа А.** Литературные портреты / **А. Моруа**. – М.: Прогресс, 1971. – 456 с.

17. **Наркирьер Ф.С.** Андре Моруа / **Ф.С. Наркирьер**. – М.: Прогресс, 1974. – 326 с.

18. Новейший энциклопедический словарь. – М.:

Астрель, 2006. – С. 1295.

19. **Пересадин Н.А.** Артур Конан Дойл: медицинская, литературная и общественная деятельность знаменитого писателя и известного врача / **Н.А. Пересадин, В.М. Фролов** // Украинский медицинский альманах. – 2011. – Т. 14. – № 2. – С. 268-275.

20. **Пересадин Н.А.** Гуманистическое и воспитательно-деонтологическое значение творческого наследия и креативного потенциала личности Мак-симилиана Волошина для медиков и медицины / **Н.А. Пересадин, В.М. Фролов** // Украинский медицинский альманах. – 2011. – Т. 14. – № 4. – С. 122-130.

21. **Спенсер Г.** Опыты научные, политические и философские [пер. с англ.] / **Г. Спенсер**. – Минск: Современный литератор, 1999. – 1408 с.

22. **Уэллс Г.** Собрание сочинений в 15 томах. – М.: Правда, 1964. – Т. 1. – 464 с.; Т. 3. – 496 с.; Т. 8. – 422 с.; Т. 14. – 416 с.; Т. 15. – 464 с.

23. **Чижевский А.Л.** Земля в объятиях Солнца. – М.: изд-во Эксмо, 2004. – 928 с.

24. The World Book Encyclopedia. – Chicago; London; Sydney; Toronto: World Book, Inc., 1994. – Vol. 6 (England) – P. 292-311; Vol. 21 (Wells, H.G.) – P. 195.

Пересадин Н.А., Фролов В.М. Воспитательно – деонтологическая и нравственно – гуманистическая роль творчества и примера жизни Герберта Уэллса – биолога, педагога, писателя и общественного деятеля // Украинский медицинский альманах. – 2011. – Том 14, № 5. – С. 141-153.

В статье дана характеристика воспитательно-деонтологической и нравственно – гуманистической роли творчества и примера жизни Герберта Уэллса – биолога, педагога, писателя и общественного деятеля. Приведены малоизвестные факты из жизни и творчества Уэллса, связанные с его работами в области биологии.

Ключевые слова: Герберт Уэллс, творчество, жизнь, воспитательно-деонтологический и нравственно-гуманистический аспекты.

Пересадин М.О., Фролов В.М. Виховательно – деонтологічна та нравствена – гуманістична роль творчості та приклада життя Герберта Уелса – біолога, письменника, педагога, та громадського діяча // Український медичний альманах. – 2011. – Том 14, № 5. – С. 141-153.

У статті дана характеристика виховательно-деонтологічної та нравствено-гуманістичної ролі творчості та приклада життя Герберта Уелса – біолога, педагога, письменника та громадського діяча. Наведені маловідомі факти з життя та творчості Уелса, що пов'язані з його роботами в галузі біології.

Ключові слова: Герберт Уелс, творчість, життя, виховательно-деонтологічні та нравствено-гуманістичні аспекти.

Peresadin N.A., Frolov V.M. Educatory-deontological and moral-humanistic role of creativity and an example of a life of Herbert Wells – the biologist, the writer, the teacher, and the public figure // Украинский медицинский альманах. – 2011. – Том 14, № 5. – С. 141-153.

In article was described the characteristic of educatory-deontological and moral-humanistic role of creativity and an example of a life of Herbert Wells – the biologist, the teacher, the writer and the public figure. Given not known facts from life and creation of Wells, that connected with his works in industry of biology.

Key words: Herbert Wells, creativity, life, educatory-deontological and moral-humanistic value.

Надійшла 01.10.2011 р.
Рецензент: проф. В.І.Лузін